

«ФИЛОГЕНИЯ В ВОРОНЕЖЕ» АКАДЕМИКА В. Л. КОМАРОВА

Текст публикуемой пьесы долгое время находился в числе потаенных произведений ботанической литературы советского периода. Иногда ее читал студентам-ботаникам Московского университета профессор Вадим Николаевич Тихомиров, любила цитировать некоторые строчки по разным поводам известный морфолог Татьяна Ивановна Серебрякова, возглавлявшая кафедру ботаники Московского государственного педагогического университета (тогда МГПИ им. В. И. Ленина). Изредка ее разыгрывали на аспирантских капустниках. Словом, это произведение было достаточно популярным. Однако не всем было известно, что автором этой шутки был академик Владимир Леонтьевич Комаров (1869–1945), выдающийся ботаник, профессор Ленинградского университета, а позднее – президент Академии наук СССР. Именно он скрыл свое авторство под псевдонимом В. Леонтьев. Адресатом же этого памфлета был молодой, но уже очень известный ученый Борис Михайлович Козо-Полянский, 32-летний профессор Воронежского государственного университета. Выпускник Московского университета, ученик профессора М. И. Голенкина. Козо-Полянский был страстным адептом эуантовой гипотезы происхождения цветка покрытосеменных растений, разрабатываемой Хансом Галлиром и Чарльзом Бэсси. Оригинальные воззрения на происхождение и систематику высших растений Козо-Полянский изложил на 162 страницах книги «Введение в филогеническую систематику высших растений»¹. Эта книга – очень яркая, содержащая интересные идеи, – полемически была направлена против учения австрийского ботаника Рихарда Веттштейна (1863–1931) и Адольфа Энглера (1844–1930), главы берлинских ботаников, в те годы продолжавшего работать над многотомным трудом «Das Pflanzenreich» – основательнейшей сводкой семейств царства растений. Этот труд, до сих пор непревзойденный по глубине и основательности сведений, уже не отражал современных представлений об эволюции растений, хотя ее сторонником оставался крупный систематик Н. И. Кузнецов (1864–1932).

С течением времени (в целом, а не в деталях) точка зрения на происхождение цветка, поддерживаемая Козо-Полянским, возобладала. Модель гипотетического примитивного цветка была изображена на виньетке, помещенной на титульной странице его книги, гравюра на дереве художника Б. Н. Замятина. Объяснение к ней дает автор книги. Это «вертикальное сечение цветка нимфейного типа – архаического, открытокарпеллярного цветка»². Здесь обозначены важнейшие свойства модели архаического цветка. Признаки его – ацикличность и многочленность венчика, синкарпный гинецей и наличие листовидных тычинок. Обратим внимание на одну деталь – жука, поедающего ткани рыльца и участвующего таким образом в переносе пыльцы, – наиболее примитивном способе опыления цветковых растений – так называемой кантарофилии. Эта гипотеза Козо-Полянского – один из

¹ Козо-Полянский Б. М. Введение в филогеническую систематику высших растений. Воронеж: Природа и культура, 1922.

² Козо-Полянский. Введение в филогеническую систематику... С. 162.

примеров опережающего предвидения в науке. Сенсационное открытие на островах Фиджи в 1934 г. американскими ботаниками Ирвингом Бэйли и Альбертом Смитом Дегенерии фиджийской (*Degeneria vitiensis*), отнесенной к монотипному эндемичному семейству *Degeneriaceae*. Дерево с архаическим цветком, опыляемое жуком из семейства блестянок (*Nitidulidae takhtajani*), стало ее блестящим подтверждением³.

Заметим, что свои критические замечания В. Л. Комаров высказал не только под псевдонимом, но и открыто – в острой полемической рецензии «Субъективный метод в ботанике»⁴.

Впоследствии Б. М. Козо-Полянский избегал участвовать в ленинградских изданиях. Он написал много интереснейших трудов, был замечательным систематиком, знатоком семейства зонтичных, но не был приглашен как автор в возглавляемую В. Л. Комаровым «Флору СССР», расположение семейств которой в целом следовало системе Энглера. Поскольку эта небольшая книжечка-памфлет представляет большую библиографическую редкость, мы публикуем ее текст.

В. ЛЕОНТЬЕВ

ФИЛОГЕНИЯ В ВОРОНЕЖЕ

(Пьеса в одном действии)

Петроград, 1922.

Сцена представляет собою дремучий лес из *Ginkgo biloba*, *Betula prisca* и *Magnoliaceae*, на почве ковер из *Dorstenia contrajerva*, в подлеске лапчатые листья *Ficus carica*. Лес перерезан узкими тропами, на авансцене кое-где разбросаны *Echinocactus* и *Mamillaria*. Из леса выходят тихо крадучись с разных сторон Энглер и Веттштейн.

А. Энглер:

О горе мне, естественной системы
Не создал я, как миру обещал,
Я позабыл Потонье колосемы¹⁾,
Я диафлебии безбожно упустил,
Моя система только механична,
В голосемянных слепо верил я.
(Рыдает.)

Р. Веттштейн:

И я, о друг, подвернут покаянью.
Я казуарину примитивом мнил,
Великому Галлиру не поверил,
Сережчатых неправо оценил,
Развалины естественной системы
Мне «гибель запада» готовят навсегда.

³ Тахтаджян А. Л. Цветковые растения. Т. 5. Ч. 1. М., 1980. С. 121–125.

⁴ Комаров В. Л. Субъективный метод в ботанике // Новое в науке. Критико-библиографический сборник. Вып. 1. Пг., 1923. С. 32–34.

А. Энглер (*топает ногой и кричит*):

Herz Diels!

Л. Дильс (*появляется из-за кустов*):

Я здесь, патрон.

А. Энглер:

Скажи мне, друг, надежда есть спастись?

Л. Дильс:

Весь «Pflanzenreich» сплошная ахиня.
Никто из нас не понял в чем беда.
Филогения – вот где панацея, –
Нельзя же к рыбам отнести кита.
С востока свет, там истина открыта.
Воронеж – новый Вифлеем.

Все трое отходят в сторону, о чем-то с таинственным видом шепчутся. В глубине сцены хор молодых воронежцев на мотив генерал-марша:

С востока свет, с востока, взошла звезда.
Она философична, светла всегда.
Все термины изменим, разрушим всё.
И на руинах старых поем её,
Поем филогению как откровенье мы,
Как наступленье юной благой весны.

(Голоса приближаются, но поющих не видно; неожиданно быстрыми шагами выходит на авансцену некто из Воронежа с ермолкой на гордой голове и, скрестив руки на груди по-наполеоновски, бросает в толпу крайние лозунги.)

Некто из Воронежа:

Галлира тень меня усыновила,
Ботаником России нарекла.
Вокруг меня кадила воскурила,
Мне Кузнецова в жертву обрекла.
Новатор я, довольно, полно мне перед естественной системой преклоняться,
Да здравствуют апертоткарпелляты; *Nymphaeaceae* – тысяча семейств,
Протейных пусть родят *Leguminosae* путем каких-то дивных чародейств.
Я объяснить вам это не сумею, но без меня наука – лабиринт.
Пусть этот *Ginkgo* папоротником будет, листом пусть будет злаков язычок.
Передо мной хоризий центробежных, андросепал и томий череда,
Что фактов нет в моем распоряжении, по-моему, не есть еще беда.
Пускай погибнут Энглеры, Ветшттейны, Линнеи, Реи, Гукер и Бентам;
Их имена своим духовным детям на поруганье ныне я отдам.

Делегация Асната (*выступает из-за левой кулисы*):

Старое рушится, время меняется, новая жизнь расцветет.
 Старых ученых следы заматаются, память о них зарастет.
 Ты наш новатор, наш лидер естественный, ты нам поможешь во всем.
 Вместе с тобой мы в поход отправляемся, чисто науку сметем.
 Время настало простому любителю профессионалов сменить,
 Школы не надо, достаточно смелости филогению открыть.
 Полно, не чахни ты в пыльном Воронеже, едем скорее в Москву.

Некто из Воронежа (*целует и обнимает председателя Асната и вместе с делегацией направляется в Москву, напевая*):

На развалинах науки создадим фантастику.
 Разведем эффигурации ²⁾ и ума гимнастику.
 Эвритонию, тригамию сдобрим сферулинами;
 Седовласых академиков обзовем кретинами.
 (*Удаляются приплясывая.*)

Трио – Энглер, Ветшттейн и Дильс:

Зачем мы каялись, зачем отчаялись,
 Наш «РPflanzenreich»
 Стоит незыблимо, угрозы нет.
 Не основателен, не соблазнитель
 Востока свет.
 (*Оживляются и переходят в более веселый мотив.*)
 Открыть филогению не так легко,
 К ней путь единственный и нетаинственный – в мое окно.
 Систем естественных вперед развитие -
 Вот этот путь, его свершаем мы,
 Имеем право мы и отдохнуть.
 Вы злые критики, наук хулители, –
 Успех не вам.

Переходят к Ficus carica, из леса выходят многочисленные молодые и старые ботаники всех стран и народов и кланяются Энглеру и его товарищам.

Энглер (*обращается к собравшимся*):

Филогению единым махом им не открыть.
 Воронеж явно не проявит такую прыть.
 О, *Ficus carica*, твои плоды –
 Эмблема явная их пустоты.

Занавес.

Примечания

- ¹ Колосомы – термин «дихотомической теории» происхождения побега Потонье (1912), объясняющий образование листа как результат уплощения и срастания осевых структур.
- ² Эффигурации – «у тычинок известны различные придатки, собираемые под ничего не говорящим термином эффигураций (Веленовский)» (*Козо-Полянский. Введение в филогеническую систематику... С. 143*). В смысле Козо-Полянского – различного происхождения рудименты околоцветника, осмысление природы которых позволяет объяснить морфогенез цветка. Например, рудименты парных прилистников – диафлебий.

Публикация Д. В. Лебедева и А. К. Сытина

ABSTRACTS

E. Z. Mirskaia. The ethos of classical science, Robert K. Merton, and contemporary problems. In the 1940s the renowned American sociologist Robert K. Merton formulated the ethos of science – a set of norms whose use by scientists ensured, in his view, the optimal development of science. This essay examines Merton's four norms – universalism, communism, disinterestedness, and organized skepticism – and the debates over their adequacy for understanding the real life of science at different stages of its social history. Particular attention is devoted to the evolving perception of these norms by the scientific community and to the analysis of their role in “little science,” “big science,” and today's science in transition. Although the Mertonian ethos of science does not constitute a categorical imperative for all practitioners of science, it nonetheless remains in the consciousness of its representatives and functions as a “guardian” by supporting the values of basic science and the continuation of fundamental research. Empirical research demonstrates that systems of values corresponding to the Mertonian ethos of science persist in the contemporary scientific community, in particular, among Russian academic scientists.

A. V. Postnikov. New information about 18th century Russian cartographical materials taken to France by Joseph Delisle. For 17th and 18th century Europeans, the territory of Russia, especially its eastern parts neighboring China and Central Asia, were largely *terrae incognitae*. Maps and detailed geographical knowledge of the area had strategic significance for countries and governments and were often handled with secrecy. Among the foreigners invited to Russia by Peter the Great was the French astronomer Joseph Delisle, who subsequently played a leading role in establishing scientific astronomy in the country and participated in some cartographic projects. Clandestinely, Delisle spent much of his time copying maps and geographical materials by other Russian geodesists, which he then took with him to France. The Delisle collection in Paris is of great historical importance as it includes many documents that have not survived in Russian archives. It has been studied by Konstantin Salishchev and Garriy Utin.

This essay draws attention to some previously overlooked Russian sources from the Paris collection, in particular textual documents rather than maps. These include: 1) pre-Petrine geographical and historical descriptions of Eurasia; 2) projects for the mapping of the Russian Empire; 3) adopted methods and procedures of geodesic and cartographic work; 4) lists of existing maps; 5) materials of the First and Second Kamchatka expeditions; and 6) Russian and Chinese materials related to the border treaty of 1689, including a copy of the first Chinese (Jesuit) maps of Amur and the Maritime Provinces (1706–1711), officially presented to the Russian government by the Chinese authorities in the 1720s. It is hard to overstate the historical and geographic importance of these documents, which should become the topic of a joint Russian-French research project leading to a bilingual publication.

S. Domoradzki. The Baire category method in the works of Polish mathematicians during the interwar period. The Baire category method is based on the famous Baire category theorem, which states that any complete metric space is of second category. Mathematicians from the famous Lwów (Lviv, Lvov) mathematical school, led by Stefan Banach, systematically applied this method. This essay discusses their papers on the Baire category method published in *Studia Mathematica* during the years between the two world wars.